

УДК 81-119

«ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ» И АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ЕДИНИЦЫ ИССЛЕДОВАНИЯ, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ ДЛЯ АНАЛИЗА КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВОГО ИЗМЕРЕНИЯ ЛИЧНОСТИ: К ПРОБЛЕМЕ ТЕРМИНОЛОГИИ И ПОДХОДОВ К ИЗУЧЕНИЮ В ОТЕЧЕСТВЕННЫХ И ЗАРУБЕЖНЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

ДЕМИДОВА Дарья Григорьевна,
аспирант кафедры английского языка №3,
МГИМО (У) МИД России

АННОТАЦИЯ. В статье анализируются основные подходы отечественной и зарубежной лингвистики к исследованию связей языка и культуры и характерных черт их выражения в портрете культурно-языковой общности. Материалом для анализа послужили работы отечественных лингвистических школ лингвокультурологии, зарубежные исследования в области коммуникативной лингвистики, лингвистической антропологии и теории усвоения иностранного языка. В статье сравниваются понятия «языковая личность» и «идентичность» как основные единицы исследования, применяемые отечественными и зарубежными лингвистами в этой области.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: языковая личность, идентичность, лингвокультурный типаж, языкознание, изучение второго иностранного языка, лингвистическая антропология, лингвокультурология, теория коммуникации.

DEMIDOVA D.G.,
Post-graduate Student of the Department of English Language, No. 3
MGIMO-University

“LINGUAL PERSONALITY” AND ALTERNATIVE RESEARCH UNITS FOR THE ANALYSIS
OF CULTURAL AND LINGUISTIC DIMENSION OF A PERSONALITY: ON THE TERMINOLOGICAL
PROBLEM AND RESEARCH APPROACHES APPLIED IN LINGUISTICS IN RUSSIA AND ABROAD

ABSTRACT. The article analyzes main linguistic approaches in Russia and abroad to the ties between language and culture and specific features of their reflection in a portrait of a linguocultural community. The analysis is based on works of Russian linguistic schools of linguoculturology, foreign studies in communication theory, linguistic anthropology and second language learning. The article compares notions “lingual personality” and “identity” as the main research units applied by scholars in Russia and abroad in this field.

KEY WORDS: lingual personality, identity, linguocultural type, linguistics, second language learning, linguistic anthropology, linguoculturology, communication theory.

На рубеже XX–XXI столетий антропоцентричный вектор развития отечественной лингвистической науки получил развитие в лингвокультурологии, изучающей в том числе взаимосвязь личности и языка. Представления о том, что культурно-языковые и коммуникативно-деятельностные установки, ценности, знания и поведенческие реакции образуют отдельное измерение личности, легли в основу теории языковой личности (Г.И. Богин, Ю.Н. Караулов), которая получила развитие в отечественных лингвокультурологических школах – воронежской (З.Д. Попова, И.А. Стернин, В.Б. Кашкин), волгоградской (В.И. Карасик, О.А. Дмитриева, Г.Г. Слышкин) и

кемеровской. Из понятия «языковая личность» (ЯЛ) выросла теория лингвокультурных типажей, занимающаяся изучением наиболее ярких и актуальных национально-культурных типов, которые получили речевой портрет и зафиксировались в виде комплексного понятия, объединяющего менталитет и языковые характеристики.

При этом одной из методологических сложностей в изучении ЯЛ является сама сущность понятия, не получившего однозначного определения в современной отечественной лингвистике. Г.И. Богин дает следующее определение: «Центральным понятием лингводидактики является языковая личность – человек, рассматриваемый с точки зре-

Информация для связи с автором: dasdemidova@yandex.ru

ния его готовности производить речевые поступки. <...> Языковая личность – тот, кто присваивает язык, то есть тот, для кого язык есть речь. Языковая личность характеризуется не столько тем, что она знает о языке, сколько тем, что она может с языком делать» [1, с. 3]. Позднее Ю.Н. Караулов определяет языковую личность как «совокупность (и результат реализации) способностей к созданию и восприятию речевых произведений (текстов), различающихся а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности и в) определенной целевой направленностью» [2, с. 245]. В соответствии с приведенными определениями, взятыми отечественным языковедом за основу для дальнейшей разработки, ЯЛ одновременно представляется реальным явлением, сопоставимым с реальным носителем языка, и одновременно абстракцией, моделируемой сложностью.

В дальнейшем различные направления лингвистических исследований интерпретировали понятие ЯЛ с разных точек зрения. Определения, предложенные Волгоградской лингвокультурной школой (В.И. Карасик, С.Г. Воркачев), фокусируют внимание на концептуальной, прототипической сущности понятия ЯЛ. Коммуникативная лингвистика (Г.Н. Беспмятнова) выдвигает на передний план лингвопсихологические аспекты, характеризуя ЯЛ через особенности коммуникативного поведения личности [3, с. 30].

Таким образом, изучение ЯЛ сформировалось в отдельную проблемную область отечественного языковедения. Для преодоления ряда методологических проблем, нерешенных отечественной лингвистикой, представляется целесообразным проанализировать подходы зарубежных лингвистов к изучению и синтезу отличительных черт лингвокультуры, находящих воплощение в типичном представителе лингвокультурной общности. Материалом для данной статьи послужили работы американских и британских лингвистов.

За рубежом воплощение определяющих, ключевых качеств языковой общности, ее квинтэссенции в собирательном образе их носителя стало предметом изучения антропологической лингвистики. Антропология в широком смысле служит объединяющим понятием для антропоцентричных исследований, проводимых в рамках различных наук: психологии, лингвистики, культурологи. Одним из таких направлений является антропологическая лингвистика, пересекающаяся с лингвистической антропологией. Обе дисциплины выбирают своим объектом исследования человека как носителя языка, однако разница заключается в предмете исследования: антропологическая лингвистика акцентируется на отличительных языковых признаках, указывающих на принадлежность человека к определенной лингвокультуре, и на восстановлении вторичной, языковой реальности [4, с. 6]. Антрополога язык и речь интересуют как часть научного инструментария для изучения отношений между людьми, возникающими в ходе вербального взаимодействия.

Первые шаги в выделении типизируемого образа представителя лингвокультуры в отдельную единицу исследования были сделаны в рамках интеракционной социолингвистики. Основоположник этого направления – Дж. Гамперц – исследует связи, выделяющие в отдельную группу речевое сообщество, которое он определяет как «любую совокупность людей, для которой характерно регулярное или постоянное взаимодействие на основе об-

щих, известных всем языковых знаков», которая отличается от других подобных групп значительной разницей в использовании языка [5]. Такими связями, поддерживающими внутрigrupповую общность, по Дж. Гамперцу, являются культурно-языковые коды. Для установления коммуникации между членами речевого сообщества запускается механизм контекстуализационного титра (contextualization cue) – «вербального знака, который при наложении символических грамматических и лексических знаков служит для конструирования контекстуальной основы для ситуационных интерпретаций и таким образом влияет на понимание составляющих их сообщений» [6, с. 461]. Титром могут быть языковые средства любого уровня языка: лексика, синтактики, прагматики, а также экстралингвистические средства.

Контекстуализационный титр высвечивает определенные языковые единицы на фоне остальных единиц того же уровня и актуализирует такой элемент значения, который может быть актуализирован только в определенном контексте, создавая ситуационные интерпретации. Непонимание, нарушение коммуникации между носителями разных лингвокультур возникает в том случае, если один из них с помощью контекстуализационных титров ненамеренно создает новые смыслы или, вернее, новые варианты интерпретаций заложенных смыслов. В книге «Язык и социальная идентичность» Дж. Гамперц иллюстрирует этот тезис на примере межкультурных и межэтнических различий коммуникантов, при том что английский язык является для них родным. На примере записей допроса филиппинского врача и судебного слушания по делу о преднамеренном убийстве в отношении филиппинских медсестер показано нарушение понимания и доверия в процессе коммуникации из-за того, что подозреваемые используют грамматические конструкции английского языка в неконвенциональном значении для американского варианта английского, что делает их ответы противоречивыми [7, с. 169–181].

Акцентировавшись на рефлексивной природе социокультурного контекста, теория контекстуализационных титров, предложенная Дж. Гамперцем, позволила перейти от уровня языка к уровню лингвокультуры в понимании факторов, обуславливающих успешную коммуникацию, и выявила необходимость исследования отдельных лингвокультур и, соответственно, выделения единиц исследования. Однако основной недостаток теории Дж. Гамперца заключается в том, что контекстуализационным титрам в коммуникации отводится большее значение, чем индивидуальным коммуникативным особенностям конкретной личности, вследствие чего коммуникация представляется культурно преддетерминированной, а представители так называемого речевого сообщества (лингвокультуры в широком смысле) статичными [8, с. 40–41].

Следующим шагом в изучении лингвокультурных сообществ в зарубежном языковедении стали исследования, посвященные вопросам лингвокультурной идентичности. Понятие идентичности, в дальнейшем базовое для конструирования модели представителей лингвокультурных сообществ, было определено М. Бухольц и К. Холл как «социальное позиционирование себя и других • Гуманитарные науки» идентичность отражается и придает социальную маркированность всем уровням языка.

Механизм реализации идентичности включает в себя ряд принципов. Принцип проявления – само-

сознание людей реализуется в форме дискурса, поэтому для реализации идентичности необходимы конкретные условия языкового взаимодействия, идентичность не предшествует языковым и семиотическим феноменам, а возникает только в социокультурном контексте. Принцип позиционирования предполагает категориальную сетку для выстраивания идентичности: пол, возраст, социальный класс, этнические и культурные особенности, постоянство или переменность интеракциональной роли. Принцип относительности заключается в том, что идентичность не является изолированной сущностью и приобретает социальное значение только при взаимодействии с другими идентичностями в ходе дискурса.

Каждая языковая форма на всех уровнях соотносится с социальными значениями, с культурными ценностями и ориентирами. В ходе коммуникации используется набор принятых в группе интеракциональных норм, которые играют роль контекстуализационных титров Дж. Гамперца [9, с. 596]. Таким образом, идентичность – это свойство члена группы понимать символы и коды в том значении, в котором их понимают остальные члены группы в заданном контексте.

С учетом коммуникативной значимости идентичности для установления и поддержания общих одинаково трактуемых понятий, ценностей и установок внутри группы (М. Бухольц и К. Холл) Дж. Эдвардс подчеркивает, что язык является главным «маркером» групповой идентичности (в случае национальной идентичности – ключевым) [10, с. 21], динамичным и комплексным свойством. По его словам, «не все мы являемся билингвами и мультилингвами, однако многие из нас являются носителями двух и более диалектов, и все мы – носителями двух и более стилей» [10, с. 27]. Иначе говоря, в зависимости от коммуникативного контекста носитель групповой идентичности может надевать различные «маски». Несмотря на эту многоликость, перцептивные границы поддерживаются за счет чувства обособленности, сохраняемого членами группы. Выстраивание ассоциативных связей между групповыми языковыми чертами и неязыковыми чертами той же группы создает «лингвистический портрет» (Дж. Эдвардс не выделяет это словосочетание как термин, тем не менее «лингвистический портрет» в его понимании схож с понятием ЯЛ в широком смысле, используемом в отечественной лингвистике).

Дальнейшие исследования взаимосвязи языка и идентичности в рамках западного языкознания сконцентрировались на свойстве языка выражать систему значений, заложенных в культуре. Развивается идея о том, что речь является визитной карточкой, универсальным маркером принадлежности к группе и средством выражения этой принадлежности (Р. Липпи-Грин, Б. Нортона, Дж.П. Джи). Однако в отличие от работ отечественных школ лингвокультурологии, сосредоточившихся на детальном, «портретном» описании отдельных явлений лингвокультуры на конкретном языковом материале, зарубежная антропологическая лингвистика относится к языковой идентичности как к средству выражения, а не как к отдельной сущности. Следует также отметить, что при анализе взаимосвязей идентичности и языка применяется описательный подход без внедрения дополнительных единиц исследования и конструирования моделей явлений лингвокультуры.

Теория взаимосвязи языка и идентичности получила переложение в практическую плоскость в работах по методике преподавания английского языка мигрантам и усвоению второго языка, выделяемого в зарубежной прикладной лингвистике в отдельную дисциплину. В рамках этих работ проводились первые эксперименты по реконструкции языковой идентичности билингвов или мигрантов, анализировалась функциональная реализация языковой идентичности под воздействием различных установок и мотивов.

В рамках изучения языковых свойств идентичности взрослых, изучающих второй язык, проводится анализ механизмов формирования так называемых гибридных идентичностей, совмещающих два языка и две культурно-ценностные системы. В качестве таких механизмов Б. Рэмpton на примере лондонской молодежи смешанного происхождения (ассимилировавшиеся выходцы из Пакистана или Китая) выявляет два пути формирования – речевую стилизацию и языковое скрещивание. Речевая стилизация представляет собой «рефлексивное коммуникативное действие, при котором говорящий воспроизводит нарочито маркированную и нередко гипертрофированную репрезентацию языка диалекта и стиля, не свойственных для его обычного узуса. Скрещиванию присуще более глубокое нарушение социальных и этнических границ» [10, с. 43]. Следует отметить, что помимо собственно языкового материала (речь внутри группы как изучаемый текст) исследователь опирается на вторичные тексты – интервью с представителями изучаемой группы о внутригрупповых отношениях, т.е. материал, представляющий больший интерес для антрополога, чем для лингвиста. В итоге, как показывает исследование, гибридная идентичность уже не представляет собой целостного ингерентного свойства, идеальной сущности когнитивного порядка, а является функциональным механизмом языка (в частности, Б. Рэмpton отмечает, что подростки азиатского происхождения на школьных занятиях переходят на английский с азиатским акцентом, чтобы искусственно понизить свой уровень владения языком и понизить требования к себе).

Канадский исследователь Б. Нортона определяла идентичность как «то, как человек осознает свои отношения с миром, как эти отношения сформированы под влиянием времени и в пространстве и какие перспективы развития этих отношений он видит в будущем» [11, с. 5]. На материале исследования группы женщин-иммигранток, изучающих английский язык в Канаде, Б. Нортона подвергает критике представления об идентичности мигрантов как о статичном понятии, показывая варьирование коммуникативного поведения и отношения к изучаемому языку в зависимости от установок слушательниц языковых курсов на конкретных примерах. Как отмечает Б. Нортона, «этническая, гендерная и классовая принадлежности являются не дискретными переменными величинами, а будучи связанными сложным образом, элементами, участвующими в конструировании идентичности и возможностей речевой коммуникации» [11, с. 13]. Наряду с С.-Л. Вонг и С.Л. Маккей, изучавших изменение идентичности китайских учащихся в США и отмечавших различную степень заинтересованности в усвоении четырех базовых навыков владения языком (чтение, устная речь, письменная речь, понимание на слух), Нортона подчеркивает функциональное отношение к языку как отличительную особенность мигрантов, используя экономическую

метафору социолога П. Бурдье, считавшего язык культурным капиталом, позволяющим получить доступ к символическим и материальным ресурсам. Таким образом, работа Нортон выявляет сложность, связанную с методологической допустимостью обобщения при реконструкции коллективной идентичности группы.

Подводя итог вышесказанному, в подходе к изучению западной лингвистикой взаимосвязи языка и культуры как определяющих, объединяющих и обособляющих качеств любой культурно-языковой общности наблюдаются следующие тенденции.

В изучении связи языка и культуры зарубежной лингвистикой фокус исследования смещается с языка на культуру под сильным влиянием антропологии как междисциплинарного вектора развития зарубежных гуманитарных наук. По этой причине идентичность как основная единица зарубежных исследований, которые условно можно назвать лингвокультурологическими, не концептуализирована, в то время как отечественная лингвокультурология больше сосредоточена на концептуальном уровне взаимосвязи языка и культуры. Следует также отметить, что отсутствие концептуализации связано с поставленными перед наукой прикладными задачами (освоение второго языка).

Развиваясь в рамках теории коммуникации (работы Дж. Гамперца), понятие языковой идентичности служит инструментом для анализа коммуникативного взаимодействия, роли культуры при коммуникации. При таком взгляде, помимо собственно языковых фактов, интерес для исследователя представляет экстралингвистический контекст, мотивы говорящих и т.д. Если отечественная лингвистика фокусируется на свойствах и признаках культурно-языковой общности, то зарубежное языкознание ориентировано на макроаспект – взаимодействие между такими общностями.

Параллельно с созданием коллективных и индивидуальных языковых портретов в отечественной лингвистике (работы по изучению лингвокультурных типажей) лингводидактика, занимающаяся теорией усвоения второго языка, моделирует т.н. гибридную идентичность мигрантов. Однако в отличие от отечественной тенденции на выделение общего, коллективных, родовых черт, модели гибридной идентичности, описанные Б. Рэмптоном, Б. Нортон, С.Л. Маккей, акцентируют внимание на частных примерах и на функциональности групповой идентичности, служащей для достижения конкретных целей членами группы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Богин, Г.И. Современная лингводидактика [Текст] / Г.И. Богин. – Калинин, 1980.
2. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность [Текст] / Ю.Н. Караулов. – М., 1987.
3. Иванцова, Е.В. О термине «языковая личность»: истоки, проблемы, перспективы использования [Текст] / Е.В. Иванцова // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2010. – №4 (12). – С. 24–32.
4. Underhill, J.W. Humboldt, Language and Worldview / J.W. Underhill. – Edinburgh, 2009.
5. Комина, Н.А. Анализ дискурса в интеракционной социолингвистике [Электронный ресурс] / Н.А. Комина // Лингвистический вестник, 1999. – Вып. 1. – (http://teneta.rinet.ru/-rus/ke/komina_na_analiz_diskursa.htm).
6. Gumperz, J.J. Discourse Strategies / J.J. Gumperz. – Cambridge, 1999.
7. Gumperz, J.J. Language and Social Identity / J.J. Gumperz. – Cambridge, 1982.
8. Hall, J.K. Teaching and Researching Language and Culture / J.K. Hall. – NY, 2012.
9. Bucholtz, M. Identity and interaction: a sociocultural linguistic approach / M. Bucholtz // Discourse Studies. – Vol. 7. – № 4–5. – 2005.
10. Edwards, J. Language and Identity: An introduction / J. Edwards. – Cambridge, 2009.
11. Norton, B. Identity and Language Learning: Extending the Conversation / B. Norton. – 2013.